

Глава 10. Чёрная роза 09

— Юй Суй... — тихо произнёс Чэнь Шаньвань.

Его пальцы осторожно скользнули по этим двум иероглифам.

Почему-то, стоило ему увидеть это имя, в груди поднялось странное, неуловимое чувство, будто лёгкий укол, то ли тревога, то ли знакомое беспокойство.

Может, всё дело в том, что имя звучало как-то необычно?..

Он не знал, что в тот самый миг, когда произнёс: «Юй Суй», по ту сторону двери что-то изменилось.

«Он» снял чёрные кожаные перчатки, обнажив руки, состоявшие из чистейших костей.

Белоснежные фаланги были покрыты сетью трещин, но те одна за другой начали затягиваться и исчезать. На их месте медленно проступала плоть, а затем кожа, мягкая и холодная.

«Он» сжал пальцы, чувствуя... Да, это было настоящее живое тело.

Юй Суй с любопытством поворачивал запястье, рассматривая свои руки. Затем другой рукой включил свет. Лицо, до того скрытое во мраке, вышло на свет.

«Его» лицо тоже было разбито, изрезано трещинами. Половина черепа оставалась обнажённой, под костью мерцали чёрные лепестки, переплетённые с шипами терновника.

Теперь же и это лицо медленно восстанавливалось. Из-под изломов проступали утончённые, пугающе красивые черты.

Брови и глаза Юй Суя были густыми и резкими; кожа — бледная, почти мертвенно-белая, из-за чего создавался хищный образ. Линии лица — холодные, острые, будто выточенные лезвием.

А чёрные, глубокие глаза... такие глубокие, что стоило лишь раз взглянуть — и сердце сжималось, не в силах выдержать этот взгляд.

Даже его изломанная шея постепенно срасталась, но по левому боку, от основания шеи вниз, оставалась тонкая дорожка трещин, сросшихся в подобие татуировки из переплетённых шипов, уходившая под одежду.

Юй Суй медленно «встал». Кости и шипы, из которых состояли ноги, тоже обросли плотью. Твёрдая опора под ногами была странно непривычна и всё же будто до боли знакома.

Он пошевелил ступнёй. На верхней части левой ноги, на белой, как мука, коже чёрный терновый узор выглядел слишком отчётливо, слишком контрастно.

Но Юй Суй не придал этому значения. Он поднял руку и приложил ладонь к груди.

Сердце, когда-то набитое чёрными розами, теперь вновь билось под тонким слоем живой кожи. Пусть удары и были слабые, но «он» ощущал их с таким возбуждением, словно впервые родился.

То было сердце Чэнь Шаньваня.

И теперь — его сердце.

.

Чэнь Шаньвань сообщил Юй Синь, что подъёмная платформа снова работает, но предложил всё же пригласить мастера — пусть проверит, чтобы та не сломалась окончательно.

Ответ Юй Синь был таким, что ему даже нечего было сказать, хотя он и не удивился.

Она лишь написала:

[Если снова сломается — тогда и позовём.]

Он только вздохнул.

К счастью, следующие три дня всё работало исправно. Каждый день после обеда он поднимался наверх, чтобы поболтать с Юй Суем.

Сам он не понимал, почему, но рядом с этим человеком ему было спокойно. Хотелось говорить, открываться, словно все стены в душе рушились сами собой.

Наверное, потому, что, когда он упомянул, что вырос в детском доме, Юй Суй не сказал ни «бедняжка», ни «как же тебе было тяжело». Он лишь тихо заметил:

— Значит, у тебя с детства было много друзей. Это здорово.

Эта фраза запала Чэнь Шаньваню в душу.

Он и сам никогда не считал свою жизнь жалкой.

В том большом доме, полном детей, он был счастлив. Директор — словно мама, а старшие и младшие — как братья и сёстры. Да, бывали ссоры, но ведь в какой семье их не бывает.

Так он узнал, и кое-что о Юй Суне. Тот никогда не учился в университете — с шестнадцати лет его держали запертым здесь.

— Они все говорят, что я болен. — негромко сказал Юй Суй. — Но я до сих пор не понимаю, чем именно.

Чэнь Шаньвань сжал губы:

— Говорят, что у вас психическое расстройство.

Юй Суй будто на секунду замер, потом спустя паузу тихо произнёс:

— Правда?..

И в этом одном простом слове было нечто такое, что заставило Чэнь Шаньваня почувствовать себя будто втянутым в чью-то игру, в какой-то скрытый заговор.

...А, разве нет?

Он опустил взгляд.

— Вы... принимаете лекарства?

— Нет.

Голос Юй Суя был тихим, без нарочитой жалости, но в нём звучала такая мягкость, такая едва уловимая беспомощность, что любой с хоть каплей сострадания почувствовал бы боль.

А Чэнь Шаньвань и без того был человеком слишком добрым, да ещё и под воздействием лёгкого «дурмана», исходившего от этого человека.

Он не видел выражения лица за дверью.

Ту улыбку, с чуть приподнятым уголком губ — холодную, уверенную, как у кукловода, держащего нити. Всё это не имело ничего общего с тем образом беззащитного мужчины, каким тот казался.

Чэнь Шаньвань знал, что пациенты с психическими расстройствами должны принимать препараты постоянно. Это вызывало у него подозрение.

Особенно если вспомнить...

У него не было контактов хозяина этого дома, но знал, что его фамилия — Ю, а не Юй.

— Господин Юй, а вы с господином Ю не родные братья?

— Нет. — спокойно ответил тот. — Он мой двоюродный брат. Мои родители рано умерли, оставив после себя большое наследство. Конечно, нашлись желающие присвоить его. Но родители моего брата приютили меня, благодаря им у меня появился дом, и никто из жадных родственников не посмел приблизиться.

Слишком уж всё совпадало.

Неудивительно, что Чэнь Шаньвань начинал подозревать худшее.

Он не удержался и открыл на телефоне поиск, введя имя «Юй Суй».

Результатов не было от слова совсем.

Зато в группе его университетских друзей горело «99+ сообщений».

Это был чат его бывших соседей по общежитию.

Чэнь Шаньвань в институте хорошо с ними ладил.

Он жил в смешанной комнате на четверых. Двое из них — дети богатых родителей, студенты факультета финансов, а четвёртый учился на фольклориста.

У них был общий маленький чат, где в основном именно этот фольклорист с упоением делился разными городскими легендами и жуткими историями.

[— Братья! — написал Ван Цюй. — Я опять услышал от друга жуткую историю про одну виллу! Слушать будете? Ну же, кто мужик — выходи и послушай!]

[— Опять начинаешь подзадоривать? — ответил Кан Чэнь. — Всегда одно и то же, тебе не надоело?]

[— Не буду. — вставил Ли Цянь. — Я один живу в своём доме, кроме водителя и домработницы никого. Даже не вздумай рассказывать. Если потом я не усну, я позабочусь, чтобы и ты не спал!]

[— Ай-ай-ай, старина Ли один дома, тогда быстро рассказывай! — написал Кан Чэнь, отмечая Ван Цюя.]

[— ...]

[— Кан Чэнь, ты доигрался! — отозвался Ли Цянь.]

Очевидно, жизнь Ли Цяня была не на первом месте. Чэнь Шаньвань пролистывал переписку. Ван Цюй уже выложил историю, которую слышал.

Он отправил голосовое сообщение и Чэнь Шаньвань немного помедлив, не стал слушать сейчас.

Только когда закончил «сеанс сопровождения» и спустился вниз, он надел наушники и нажал «воспроизвести».

Из динамиков раздался приглушённый голос Ван Цюя:

— Эту историю я слышал от своей тётки. Вы же знаете, она работает домработницей у богатых. Так вот, эту историю она услышала, от хозяйки, которая обсуждала её с подругами.

Дело было так...

У одной семьи начались проблемы с бизнесом. После визита к мастеру фэншуй они переехали на юг, на виллу в небольшом городке. Из-за этого их друзья-богачи посмеивались над ними, мол, они совсем разорились.

Но в первую же ночь после переезда дела фирмы начали налаживаться — счета, что были в хаосе, вдруг стали сходиться, а уже на следующий день они подписали выгодный контракт, дающий возможность перекрыть долги.

Меньше чем за две недели их предприятие словно восстало из пепла.

И вот, когда всё у них стало идти в гору, хозяин дома однажды вечером вернулся пьяный после банкета и увидел, что во дворе, где не было ни одного цветка, вдруг распустилось целое поле цветов.

А среди них стояла чёрная тень.

Тень произнесла его имя странным, хриплым голосом и сказала:

— Я дала тебе то, чего ты хотел. Теперь ты должен отдать мне то, что хочу я.

Хозяин, пьяный и сонный, машинально спросил:

— А чего ты хочешь?

Тень издала какое-то жуткое, сдавленное хихиканье, промямлила что-то непонятное и исчезла.

Когда мужчина утром проснулся, хоть и всё ясно помнил, он не придал этому сну значения.

А ровно через неделю, проснувшись, обнаружил, что его сын мёртв и смерть та была ужасна. Кожа его сына высохла и прилипла к костям, будто тело пролежало десятилетия, превратившись в иссохшую мумию.

Тогда-то хозяин вспомнил, что в ту ночь тень говорила:

«Моё терпение не безгранично. Если через неделю ты ничего не предпримешь, я напомню тебе».

[— Хм... — написал Кан Чэнь. — Ван Цюй, ты сдаёшь позиции. Не страшно. Старый приём, скучно.]

[— Да подожди ты, дослушай! — ответил тот.]

В следующем голосовом повествовании продолжалось:

— После этого семья вызвала массу мастеров фэншуй. Те, кто действительно что-то умел, стоило им услышать адрес, сразу отказывались. А проходимцы брали деньги, но помочь не могли.

Менее чем через три месяца мужчина и его жена тоже умерли на той вилле и их смерть была даже страшнее, чем смерть ихнего сына.

— Мужа нашли прибитым к стене в одной из комнат на первом этаже, высохшим, как мумия. Будто его наказали. Домработница, которая обнаружила тело, сошла с ума прямо там и до сих пор в психушке.

— Говорят, — шёпотом продолжил Ван Цюй, — что даже после их смерти, когда виллу опечатали и вывезли мебель, прохожие по ночам всё равно видят, как внутри горит свет. А в окне третьего этажа сидит чёрная фигура и рисует.

— А я думал, ты скажешь, что изнутри доносятся плач и стоны. — фыркнул Кан Чэнь.

Слово «рисует» будто разом лишило историю жути, сделав её странной, но никак не страшной.

Чэнь Шаньвань чуть усмехнулся, но в голове невольно всплывали картины: высохшее тело, прибитое к стене; чёрная тень в холодном свете луны; пустая вилла, в окнах которой ни с того ни с сего вспыхивает свет, и кто-то внутри...

Он никогда не боялся таких рассказов, но почему-то сейчас ощутил тревогу.

Наверное, потому, что и сам сейчас жил на вилле.

Приготовив ужин, он отправил еду на лифте наверх. И только он отвернулся, как зазвенел колокольчик.

Он поднялся наверх.

— Господин Юй?

— ...Ты мог бы взять свой ужин и поесть со мной? — послышался из-за двери голос. — Давненько никто не ел со мной вместе. Пусть я не вижу тебя, но прекрасно слышу. Для меня это уже... словно рядом есть человек.

Голос Юй Суя был всё такой же — тихий, приглушённый, словно ветер, который вот-вот рассеется.

И этот мягкий голос незаметно втягивал Чэнь Шаньваня в свой ритм.

Он поколебался всего мгновение, а потом кивнул:

— Хорошо.

Взгляд Юй Суя смягчился, его губы скривились в злой ухмылке.

А голос по-прежнему звучал спокойно:

— Спасибо.

Нежно, обманчиво ласково.

Ведь только такая искусно подделанная доброта способна пленить мягкое человеческое сердце.

На третьем этаже не горел свет, и Чэнь Шаньвань не заметил, как чёрный лепесток, вытолкнутый из-под двери колючими шипами, плавно скользнул в его миску.

Крошечный лепесток, скрытый в ароматном блюде с курицей и перцем, он проглотил, даже не почувствовав.

Лепесток растаял мгновенно, оставив лёгкую, горьковатость, которую можно было легко принять за привкус сычуаньского перца.

<http://bllate.org/book/12897/1133582>